

УДК 433

В. Г. Шведов**СТОЛЕТНЯЯ КИТАЙСКО-КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА**

В публикации рассмотрен один из крупнейших военных конфликтов в Восточной Азии — длившаяся сто лет китайско-корейская война VI—VII веков. Дан анализ причин её возникновения, целей участников, хода событий, результатов. Содержится прогноз некоторых вариантов изменения современной политической карты мира в случае вероятностных перемен в итогах этого конфликта.

Ключевые слова: Восточная Азия, Китай, Когурё, империя, королевство, династия, война, театр боевых действий, аннексия, политические интересы.

Историческая память человечества проявляет по отношению к политическим событиям крайнюю прихотливость. Одни из них сохраняют в массовом сознании свою значимость и даже приумножают её. Другие теряют адекватную оценку и нередко отодвигаются в безвестность. Причины такой избирательности крайне разнообразны. Автор в данном случае не стремится к их анализу, ставя перед собой более узкую задачу — рассмотреть одно из таких, «обесцвеченных» забвением событий, выявить некоторые контуры тех территориально-политических мотивов и фона, в рамках которых оно протекало, затронуть в самом общем виде вопрос о его влиянии на формирование современной карты мира.

Оно произошло более 1,5 тыс. лет назад, войдя в жизнь пяти поколений нескольких народов. Его жертвой стало, по приблизительной оценке, более миллиона человек. Его не смогли довести в течение своей жизни до исчерпывающего завершения одиннадцать последовательно сменявших друг друга на престолах трёх стран монархов. Речь идёт о китайско-корейском конфликте VI—VII столетий.

Территориально-политическая обстановка, сложившаяся к этому времени в Восточной Азии, существенно отличалась от той, которая устоялась здесь за несколько предыдущих веков. В основе этой перемены находились три фактора — номадический, китайский и корейский.

К концу V века обозначились явные симптомы грядущего распада Тюркского каганата — агрессивного государственного образования кочевников, контролирующего пространство от Урала до Большого Хин-

Шведов Вячеслав Геннадьевич — доктор географических наук, доцент (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: i-svg@yandex.ru.

© Шведов В. Г., 2016

гана. Теперь, когда он, в результате внутренних междоусобиц, обращался в совокупность враждующих племён, все его соседи стремились реализовать свои, ранее так или иначе находившиеся под спудом этой грозной силы интересы.

В их числе находился и Южный Китай. Именно Южный, поскольку северокитайские земли уже долгое время находились под властью конгломерата «царств», созданных разноплеменными выходцами из Центральной Азии. К дальнейшей экспансии на юг их сдерживал широкий створ Янцзы, по тем временам непреступный барьер на пути продвижения относительно плохо организованной конницы.

Идеи реванша за некогда понесённое поражение и отвоевания территории к северу от этой реки были популярны практически во всех слоях общественности Южного Китая. Особенно они усилились с 386 г., когда благодаря дворцовому перевороту императорским тронном овладела военно-аристократическая династия Суй.

Подготовка к контрнаступлению велась почти двести лет. И она была проведена со всей основательностью. Удар, нанесённый в 573 г. по разобщённым, плохо организованным «царствам» кочевников, уничтожил их полностью и позволил отодвинуть границу Империи Суй до гор Яншао на севере и рубежа пустыни Гоби на северо-западе. Таким образом, после трёхвекового перерыва Китай восстановил свою былую территориальную целостность.

Казалось, что после столь внушительной победы должен наступить период долгого мирного развития страны, северная половина которой после хозяйничанья завоевателей-кочевников обратилась в пустошь. Но вскоре она, напротив, вступила в одну из самых тяжёлых в своей истории войн.

Почему Китай, только что пережив одно милитарное напряжение, фактически без перерыва взял на себя новое? Причина этого кроется в плоскости политических соображений и амбиций.

Династия Суй вышла из армейской элиты, для которой война была нормой ведения дел, в том числе и на международном уровне. Овладев императорской властью, её представители слишком долго занимались подготовкой к разгрому внешнего врага. И та лёгкость, с которой ей удалось одержать над ним победу, создала ощущение нерастраченных сил. Для императоров-воинов такое положение дел представлялось нетерпимым.

Кроме того, то малодушие, с которым кочевничьи царьки сопротивлялись наступлению войск Империи Суй в Северном Китае, вполне могло породить у её правителей и воинской «верхушки» завышенную самооценку. А она, в свою очередь, могла породить желание одержать победу в новой войне с более «серьёзным» противником.

Ко многому эту страну обязывало и ею же широко продекларированное собственное великодержавие.

Имперский статус Суйского Китая определялся не столько титулом его правителя, сколько весомыми геополитическими «аргументами». Так, его площадь равнялась 4 млн кв. км. Таким образом, по размеру территории он из всех современных ему государств уступал лишь Арабскому Халифату. Но если тот представлял собой страну, хронически страдавшую от сепаратизма, Империя Суй первоначально отличалась внутренней стабильностью.

Её население насчитывало почти 20 млн человек, что составляло около трети проживавшего тогда на планете человечества, – колоссальный человеческий ресурс, способный, как казалось, сокрушить любого неприятеля.

Эти данности, помноженные на усиленную долгой подготовкой к войне и присоединением северных земель экономику, по праву делали Империю Суй сильнейшим государством раннего Средневековья – эпохи, когда военный императив в межгосударственных отношениях являлся универсальным средством достижения всех целей. Империя Суй, будучи «детищем» своего времени, была в данном отношении не хуже и не лучше иных стран. Поэтому, следуя политической логике своего времени, она, успешно закончив освободительную войну, должна была ради поддержания статуса великой державы провести победоносную наступательную кампанию.

Для этого следовало подобрать соответствующего врага, что было непростой задачей, поскольку:

- данному врагу «надлежало быть» достаточно сильным, что придавало бы победе над ним необходимую весомость;
- ему следовало располагаться поблизости от Империи Суй, чтобы та могла задействовать против него всю свою мощь, исключив тем самым нежелательный для себя исход столкновения;
- его природные условия должны были быть максимально схожими с таковыми в Китае, что тоже исключило бы разного рода неприятные неожиданности;
- важным условием была возможность последующей быстрой материальной компенсации военных расходов за счёт побеждённых;
- Китаю необходимо было располагать поводом для начала «справедливой» войны.

Всем этим условиям отвечала страна под названием Когурё.

Со II тысячелетия до н. э. полуостров Корейский и современную провинцию Ляонин занимало корейское раннегосударственное образование Чосон, которое после долгого существования стало жертвой междоусобиц. К I веку н. э. в его бывших пределах образовались три королевства:

- Когурё – примерно в границах современной КНДР и Ляонина;
- Пякчэ – на юго западе Корейского полуострова;
- Силла – на его юго-востоке.

Они были независимы друг от друга, но при этом остро враждовали за чосонское политическое и территориальное наследие.

Впрочем, их вражда шла в рамках неких «правил игры». Одним из таких была принесённая ими вассальная присяга Китаю. Особого ущерба их реальному суверенитету это не приносило, а выплата ему дани носила чисто символический характер. Зато они буквально изнуряли своего сюзерена, используя его в качестве третейского судьи в своих нескончаемых тяжбах о старшинстве.

Наибольший вес среди этих королевств имела Когурё. Развитое сельское хозяйство, богатые серебряные копи, сильная армия делали её заметной величиной на геополитическом поле Восточной Азии. Ранее она даже смогла отвоевать у Китая восточную часть Ляонина, утерянную при распаде Чосона, хотя, проведя границу по реке Ляохэ, когурёсцы удовлетворили политическое самолюбие могучего соседа, став его вассалами.

На иных направлениях они действовали более жёстко. Река Туманган была линией их упорного противостояния с тунгусоязычными племенами мохэ. Борьба здесь шла с переменным успехом. Когурё даже удалось основать к северо-западу от Тумангана княжество Фуюй и Возюй, совершать успешные походы в долину Сунгари и к верховьям Уссури. Но грабительские набеги мохэ не прекращались, создавая постоянную угрозу всей северной части страны.

Когурёское влияние явственно ощущалось в Японии, представлявшей собой к VI в. совокупность мелких враждующих княжеств. Причём некоторые из них де-факто уже являлись вассалами Когурё.

Но самым пристальным вниманием с её стороны пользовались Силла и Пякчэ: суверенные, но этнически родственные государства. Их поглощение представлялось Когурё самым естественным исходом борьбы за корейское единство. При этом приоритет отдавался не поиску компромиссов или установлению династических связей, а разгрому и аннексии южнокорейских государств.

Таким образом, в VI веке Когурё являлась крупной региональной державой. В геополитическом «табели о рангах» Восточной Азии она прочно занимала второе место, и её растущий авторитет иногда составлял заметную конкуренцию традиционно высокому китайскому влиянию. Это позволяло ей не только уклоняться от назревающего конфликта, но и, напротив, сознательно идти на его обострение.

В 581 г. Империя Суй обвинила Когурё в нарушении вассальной этики, потребовав заодно прекратить давление на Силлу и Пякчэ, а также вернуть восточную часть Ляонина. Содержавшее эти пункты послание было составлено в откровенно провокационном тоне. Его автор, император Вэн-ди, уже отличился дипломатической грубостью, оскорбив прибывших к его двору вождей мохэ.

В свою очередь, когурёсский король Тхан был настолько уверен в своих силах, что ответил не меньшей грубостью, намекнув, что престол

Китай не раз занимали иноземцы — кочевые варвары из Центральной Азии. В связи с этим он задавал весьма призрачный вопрос: что мешает при таком положении дел взойти на престол империи иноземному правителю из цивилизованной страны?

После обмена подобными нотами начало войны было неизбежным.

Будучи решительным правителем король Тхан приказал форсировать пограничную реку Ляохэ. Но накануне начала операции он умер. Страну и войско возглавил его сын Гао-юань.

Вторжение в Китай началось в 582 г. Но тот одновременно выдвинул к Ляохэ сразу шесть армейских корпусов. Одновременно о вступлении в войну объявили Силла и Пякчэ. В результате положение Когурё сразу же осложнилось. Ей пришлось вести борьбу на два фронта, а численное превосходство выставленных против неё вражеских войск было подавляющим.

Когурёсцы отступили на исходный рубеж, преодолеть который имперские войска не могли 28 лет. На Ляохэ они столкнулись с глубоко эшелонированной обороной неприятеля, а высокий уровень их боевых качеств оказался для китайского командования полной неожиданностью.

В этой ситуации время работало против Империи Суй. Её политический престиж существенно пошатнулся: располагая огромными ресурсами, она не могла справиться с противником, который многократно уступал ей и по размерам, и по численности населения. Китайские войска несли крупные потери не только в попытках форсировать Ляохэ, но и от эпидемий. Постепенно ухудшавшееся снабжение вынуждало их голодать.

Оценив эти факты, Силла и Пякчэ повели себя соответствующим образом. Они то воевали против Когурё, то вступали с ней в перемирие, не забывая при этом периодически сражаться друг с другом.

Но самым опасным был рост внутреннего недовольства против правившей династии Суй. Её слава объединительницы страны померкла на фоне бесконечной и бесславной войны, бесконечного роста поборов на её продолжение.

Положение правящего дома в конце концов стало столь шатким, что в 605 г. он предложил Когурё мир в обмен на одно лишь подтверждение ею своего вассалитета. Но король Гао-юань ответил отказом: он ощущал себя стоящим на пороге победы.

В 610 г. когурёсцы внезапно отошли от Ляохэ. Ослабевшие китайские войска двинулись вслед за ними и попали в окружение у реки Амноккан, где были практически полностью истреблены. Два последовавших затем похода возмездия в 611—613 гг. закончились провалами: армии Империи Суй доходили до Пхеньяна, терпели поражение при его штурме и откатывались восвояси. Эти неудачи стали причиной охватившего Китай восстания.

В 615 г. стоявшая на грани гибели императорская династия заключила унижительный для себя мир с Когурё. Последняя официально объявлялась суверенной страной, получала земли всего Ляонина и становилась сюзереном Силлы и Пякчэ. Продиктовавший эти условия король Гао-юань скончался с полным осознанием завершённости начатого им и его отцом дела.

Между тем после кровопролитной гражданской войны к власти в Китае в 618 г. пришла новая династия — Тан, которая объявила приоритетом своей внешней политики овладение трассой Великого Шёлкового пути. На первый взгляд, обозначение этого вектора означало исчерпанность китайско-когурёского конфликта. И действительно, прямые боевые действия между ними не велись с 618 по 641 гг.

Но великая держава по определению не могла окончательно признать себя побеждённой. Она всячески стимулировала набеги на когурёское пограничье «варварских» племён; благодаря дипломатическим манёврам ей вновь удалось переподчинить себе Силлу и Пякчэ, а затем спровоцировать их на несколько столкновений с Когурё. Иными словами, конфликт продолжать «тлеть» и мог вспыхнуть в любой момент.

По иронии судьбы, победный договор с Империей Тан подписывал сын короля Гао-юань, Гянь-ву. Его заслугой стало послевоенное восстановление страны. Но он всячески старался избежать новых внешних конфликтов, что, собственно, и стимулировало направленную против Когурё дипломатическую и необъявленную военную активность Китая. Своими уступками он довёл ситуацию до того, что в 642 г. согласился на восстановление статуса вассала императорского дома.

Это решение имело для него роковые последствия. Он был убит заговорщиками, которые возвели на престол его сводного брата, принца Цзяна, — человека, во всех отношениях бесхарактерного. Ему отводилась «чисто» представительская роль. Фактическим правителем страны стал князь-регент Гайсувынь, хронически ненавидевший Китай кадровый военный.

Разумеется, что такая перестановка в высшем эшелоне власти соседней страны не устраивала Империю Тан, которая незамедлительно объявила Когурё войну.

Вторжение в её пределы началось в 643 г. одновременно по двум направлениям — в Ляонине и высадкой морского десанта близ Пхеньяна. Причём его лозунгом было освобождение Когурё от власти узурпатора. Её жителям давалось понять, что конфликт будет исчерпан устранением регента Гайсувыня.

Однако уже на границе китайские войска встретили такое упорное сопротивление, что у их командования возникли сомнения в целесообразности развития дальнейшего наступления. Лишь личное вмешательство прибывшего на фронт императора пресекло эти настроения. Состоявшаяся затем битва у города Пэкам (современный Аньшань) закончилась разгромом 100-тысячной когурёской группировки.

Придерживаясь доктрины «освободительной» войны, китайская сторона продемонстрировала гуманность, отпустив 30 тысяч пленных когурёсцев на свободу. Но взять сам Пэкам не удалось даже после длившегося трое суток генерального штурма. Во время его отражения одна из колонн танских войск, не выдержав контрудара во время вылазки защитников крепости, побежала. При этом император, пытаясь остановить её, едва не был убит собственными воинами.

Не отличился особыми успехами и действовавший близ Пхеньяна десантный корпус.

Всё это стало причиной отвода войск Империи Тан, которая удовлетворилась лишь присоединением западной части Ляонина. Ни устранить Гайсувыня, ни привести к вассальной покорности Когурё не удалось.

На подготовку нового наступления понадобилось три года. Его долгие сборы объяснялись тем, что силы Империи Тан в это время были на пределе. Ею велись ещё две кампании – против Тибета и против кочевников на западной границе. Непомеренные военные расходы вызвали рост разорительных налогов. 2/3 населения страны голодало. В считавшейся опорой Танского правящего дома провинции Сычуань вспыхнуло восстание.

Кампания 647–648 гг. до мелочей напоминала предыдущую. Когурё была атакована с суши и моря, проиграла крупное сражение у города Бочжо. Но сам город устоял. При попытке его взятия китайская армия понесла столь тяжёлые потери, что находившийся на театре боевых действий император умер от сердечного приступа.

Последовавшие затем с 655 по 661 гг. три новых похода проходили по одному «сценарию»: китайские войска совершали прорыв до Пхеньяна, терпели под его стенами поражение и отступали, неся потери в арьергардных боях. Желание положить конец этой бесславной войне охватывало буквально все слои населения Империи Тан. Среди простонародья распространилась песня, лейтмотивом которой была строка: «Мы не хотим идти подыхать в Когурё». Что же касается аристократии, то высшие сановники обратились в 661 г. к новому императору с петицией о прекращении боевых действий.

Между тем успехи Когурё максимально приблизили её не только к окончательной победе, но и к обретению положения великой державы. Следовавшие один за другим разгромы китайских вторжений подкрепились аннексией Пячэ. Японские князья присылали посольства с дружественными заверениями и участвовавшие в сражениях дружины. На стороне Когурё выступили племена мохэ.

Все эти успехи прочно ассоциировались с личностью Гайсувыня. О существовании «настоящего» короля Цзяна никто не вспоминал. Зато в устном обращении к всемогущему регенту уже звучал титул «император».

666 г. принёс неожиданную развязку. Князь Гайсувынь умер. И остаётся лишь предполагать, почему он заранее не решил вопрос о преемственности власти. В результате три его сына немедленно вступили в междоусоб-

ную борьбу. Когурё разом лишилась одного из своих главных преимуществ — внутренней монолитности. Её армии, многократно испытанные в боях с внешним неприятелем, теперь разорjali собственную страну.

Ввиду разразившейся катастрофы о себе неожиданно напомнил король Цзян, призвавший для наведения порядка в своей стране Империю Тан. Произошедшее предоставило ей исключительно благоприятный шанс. Всё дальнейшее протекало так, словно предшествующих десятилетий упорной борьбы просто не было как таковых. В течение 667—668 гг., с лёгкостью грома разобщённые армии враждующих братьев, императорская армия заняла всю страну, и ранее неприступный для неё Пхеньян капитулировал при одном лишь её приближении к его стенам.

Когурё лишалась государственной независимости, став провинцией Империи Тан. Правящая династия была низложена, и король Цзян был вывезен в Ляонин, где получил в управление удельное княжество. Судьба сыновей Гайсувыня неизвестна.

Участь простого когурёского населения была ужасна. Императорские войска грабили страну. Повсюду свирепствовали бесчисленные банды дезертиров и искавшие в общей неразберихе поживы мохэ. Довершая беды, на Корейский полуостров обрушились тайфуны и землетрясения, за которыми последовала невиданная ранее в этих краях засуха. Множество беженцев искало спасения в королевстве Силла и даже у «диких» мохэ.

Но в эти годы немало было и тех, кто не смирился с поражением и продолжал борьбу. Лидером охватившего бывшую Когурё партизанского движения стал сбежавший от Цзяня его внук, княжич (то есть «разжалованный» принц) Ань-шун. Он нашёл неожиданную поддержку в лице единственного уцелевшего корейского государства — Силлы.

Парадокс в данном случае состоял в том, что это королевство всегда противостояло Когурё и хранило вассальную верность китайским императорским династиям. Теперь, видимо, оно увидело шанс для возвышения в гибели своего старого противника и ослаблении своего сюзерена.

Однако Империя Тан всё ещё располагала силами для продолжения борьбы. В 670 г. она нанесла поражение объединённой войску Силлы и Ань-шуна на реке Фалу. Причём Ань-шун после этой битвы пропал без вести. В результате Силла перешла к глухой обороне, а повстанческая армия когурёсцев распалась на мелкие отряды. Их партизанские действия продолжались ещё двадцать лет и доставили захватчикам массу проблем, но нанести им сколь-нибудь заметное поражение они уже не могли.

Гораздо более серьёзная проблема обозначилась в провинции Ляонин, отданной в управление бывшего короля Цзяна. Пробыв всю жизнь марионеткой в чьих-то руках и ни разу не предприняв ни единого самостоятельного шага, он, будучи в весьма преклонном возрасте, поднял в 677 г. в своём опереточном княжестве мятеж. При этом Цзян буквально ошеломил окружающих, проявив недюжинные полководческие и организаторские способности.

Его войска смогли взять под контроль весь Ляонин, отрезав от Империи Тан её зону на Корейском полуострове. На его стороне выступили мохэ, которых он направлял опустошать приграничные земли Китая.

Положение Империи Тан вновь невероятно осложнилось. Перед ней воочию обозначилась перспектива восстановления Когурё и возобновления бесконечной войны с нею. Но всё кончилось также внезапно, как и началось: в 682 г. Цзян скончался. Его армия тут же распалась, и китайские войска вновь заняли Ляонин.

Это событие, собственно, и поставило точку под вековым китайско-корейским противостоянием.

Какими же оказались его основные итоги?

Государство Когурё было уничтожено. Его борьба стала примером попытки прорыва небольшой страны к великодержавию. Но урок истории оказался жестоким: наследница этой страны – Корея – впоследствии всегда мужественно защищалась от врагов, но войти в «клуб» великих держав уже не пыталась никогда.

На первый взгляд, в наибольшем выигрыше оказалась её давняя противница – Силла. Стремясь обезопасить свои тылы в борьбе с Цзяном, Империя Тан заключила с ней в 679 г. мир, передав под управление бывшую Пякчэ.

Благодаря этому Силла удвоила свою территорию и оказалась на тот исторический момент единственным носителем корейской государственности. Однако она была буквально «придавлена» с севера оккупированной Китаем когурёсской территорией. Её короли вновь принесли вассальную присягу Империи Тан.

В дальнейшем с Силлой никто не считался. Недавние союзники – японцы и мохэ – сделали её объектом для своих набегов. В конечном итоге спустя два столетия правившая ею династия пала под ударами повстанцев, которые посчитали необходимым даже сменить скомпрометированное название страны на новое – Корея.

Что касается Китая, то он, при первом приближении, добился своей цели, ликвидировав сильнейшего регионального противника. Но всё было не столь однозначно.

Присоединённые к нему земли были вконец разорены и кишели партизанами. Да и сама победа далась дорогой ценой. По некоторым оценкам, его потери в борьбе с Когурё превысили миллион человек. Сил на завершающий удар по Силле с целью окончательного решения «корейского вопроса» у него уже явно не хватало.

Борьба с Когурё столь истощила Империю Тан, что ей пришлось отказаться ото всех своих завоеваний в Центральной Азии и потерпеть поражение в войне с Тибетом.

Самым плачевным оказалось то, что в 690 г. являвшиеся второстепенными участниками недавнего противостояния племена мохэ создали собственное государство – Бохай (Чжэнь), которое к 714 г. отвоевало у

Китай все когурёские земли. И с этой позиции стало совершенно неясно, во имя чего ранее велось столетнее кровопролитие.

Рассмотренный китайско-корейский конфликт стал не только одним из крупнейших вооружённых противоборств Средневековья, но и событием из числа тех, которые сформировали современную территориально-политическую картину Ойкумены.

Так, не затронув территорию Японии и надолго обессилив её потенциальных противников, он обеспечил относительно благоприятные условия её раннего государственного становления.

Нельзя исключить и той вероятности, что «чаша весов» разгоревшейся в VI–VII столетиях на Дальнем Востоке войны могла склониться в пользу Когурё. В связи с этим нельзя исключить и возможности полного завоевания ею Китая. При таком развитии событий, учитывая уровень развития гипотетического победителя, его бюрократический и управленческий опыт, можно предположить, что в настоящее время в Восточной Азии имелось бы огромное государство под корейской этнополитической эгидой. Причём ассимилировать столь «основательных» завоевателей китайскому населению, при всей его многочисленности, вряд ли бы удалось.

В связи с этим следует помнить, что ни одна из современных данностей не возникла на «ровном месте». Все без исключения ныне существующие реалии и проблемы объяснимы прошлым. И потому к нему следует относиться с большим почтением – без пренебрежения, как, впрочем, и без вольных интерпретаций. И тогда в нём будут найдены ответы на многие из возникающих в наши дни вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: АН СССР, 1950. Т. II. 333 с.
2. Воробьёв М. В. Древняя Япония. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 182 с.
3. Деревянко Е. И. Племена Приамурья. Новосибирск: Наука, 1981. 333 с.
4. История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. 2-е изд. М.: МГУ, 2002. 736 с.
5. История Китая с древнейших времён до наших дней / под ред. Л. В. Симоновской, М. Ф. Юрьева. М.: Наука, 1974. 534 с.
6. История Кореи (с древнейших времён до наших дней). В 2-х томах. Т. I. М.: Наука, 1974. 470 с.
7. Ларичев В. Е. Народы Дальнего Востока в древности и Средние века и их роль в культурной и политической жизни Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в Средние века / отв. ред. Е. И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1980. С. 8–39.
8. Чжоу Гу-чэн. Всемирная история без принципа всемирности // Историческая наука в КНР / отв. ред. Р. В. Вяткин. М.: Наука: 1971. С. 256–260.
9. Шан Юэ. Очерки истории Китая. С древности до «опиумных» войн. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 579 с.
10. Шавкунов Э. Б. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 168 с.

11. Шведов В. Г. Историческая политическая география Амурского района. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН. 2000. 275 с.

* * *

Shvedov Vyacheslav G.
HUNDRED YEARS OF CHINESE-KOREAN WAR
(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

The article deals with a large military conflict in the East of Asia which lasted a hundred years, the Chinese-Korean War of the VI—VII centuries. The analysis of the causes of its origin, the objectives of participants, the course of the events and results are made. The text contains some options for changing the current political map of the world in the case of probability of changes in the outcome of this conflict.

Keywords: The east of Asia, China, Kogure, the empire, the kingdom, Dynasty, the war, the theater of hostilities, annexation, political interests.

REFERENCES

1. Bichurin N. Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* (The collection of information about the nations that lived in Central Asia in ancient times), Moscow – Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. Vol. II. 333 p.
2. Vorobiev M. V. *Drevnyaya Yaponiya* (Ancient Japan), Moscow, 1958. 182 p.
3. Derevyanko E. I. *Plemena Priamur'ya* (Tribes of Priamurie), Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 333 p.
4. Meliksetov A. V. (ed.) *Istoriya Kitaya* (The history of China), Moscow, 2002. 736 p.
5. Simonovskaya L. V. (ed.), Yur'ev M. F. (ed.) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* (The history of China from ancient times to the present days), Moscow, Nauka Publ., 1974. 534 p.
6. Gafurov B. G. and etc. (editorial board) *Istoriya Korei (s drevnikh vremen do nashikh dnei)* (The history of Korea (from ancient times to the present day)), in 2 vol., vol. I, Moscow, Nauka Publ., 1974. 470 p.
7. Larichev V. E. The nations of the Far East in antiquity and the Middle Ages, and their role in the cultural and political life of East Asia [Narody Dal'nego Vostoka v drevnosti i Srednie veka i ikh rol' v kul'turnoy i politicheskoy zhizni Vostochnoy Azii]. *Dal'niy Vostok i sosednie territorii v Srednie veka* (Far East and neighboring territories in the Middle Ages), Novosibirsk, Nauka, 1980, pp. 8–39.
8. Chzhou Gu-chen. World history without the principle of universality [Vsemirnaya istoriya bez printsipa vseмирности]. *Istoricheskaya nauka v KNR* (Historical Science in CPR), Moscow, Nauka Publ, 1971, pp. 256–260.
9. Shan Yue. *Ocherki istorii Kitaya. S drevnosti do «opiumnykh» voyn* (Essays on the history of China. From antiquity to the "opium" wars), Moscow, 1959. 579 p.
10. Shavkunov E. B. *Gosudarstvo Bokhay i pamyatniki ego kul'tury v Primor'e* (State Bokhay and monuments of its culture in Primorye), Leningrad, Nauka Publ., 1968. 168 p.
11. Shvedov V. G. *Istoricheskaya politicheskaya geografiya Amurskogo rayona* (The historical political geography of the Amur region), Birobidzhan, 2000. 275 p.

* * *